

Сергей Алексеевич Пивень
Засада. Спецназ 1941 года
Серия «Война. Штрафбат. Они сражались за Родину»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8508834
Сергей Пивень. Засада. Спецназ 1941 года: Яуза, Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-75852-4

Аннотация

НОВЫЙ военный боевик от автора бестселлера «В награду – расстрел». Сталинский спецназ против эсэсовцев, абвера и гестапо. Первые спецоперации в тылу врага летом 1941 года.

По силам ли одной разведывательно-диверсионной группе сорвать карательную операцию «Тевтонский огонь»? Как найти и разгромить секретный аэродром «стервятников» Геринга? Удастся ли нашим диверсантам заманить в засаду группенфюрера СС?

Содержание

Часть I. Портрет геринга	4
1	4
2	10
3	14
4	20
5	23
6	27
7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Пивень

Засада. Спецназ 1941 года

Часть I. Портрет геринга

Давление границ и теснота пространства тяготеют над задыхающейся в тисках Внутренней Европой.

К. Хаусхофер. Границы в их географическом и политическом значении. (1927)

1

Молодой олень выскочил на поляну, повертел головой, решая, куда теперь бежать, услышал слева от себя звук охотничьих рожков и бросился в противоположную сторону. Охотникам только это и было нужно. Они гнали оленя к густым зарослям дикого шиповника, где в засаде притаился человек.

Тот был уже наготове, подняв свое именное ружье, прицелившись в место, куда, по его предположениям, должен был выскочить зверь. Звук рожков и грохот трещоток нарастали, стремительно приближаясь. Впереди послышался треск ломаемого кустарника, через мгновение олень выскочил из зарослей и остановился, чтобы немного передохнуть. До зверя было метров пятнадцать, и человек отчетливо слышал глухой хрип животного, видел свисающую с влажных широких губ белую пену. Момент для выстрела был самый подходящий. Человек, стараясь не шелохнуться, чтобы не спугнуть зверя, прицелился тому в голову, а затем плавно нажал на спусковой крючок. Олень дернулся, видимо, попытавшись рвануть обратно в чащу, но не смог – пуля, пущенная умелой и опытной рукой, пробив череп, проникла в мозг, – и всей своей массой лесной зверь рухнул на землю.

Человек выбрался из зарослей дикого шиповника, где ему пришлось сидеть в засаде около часа, и неспешно направился к своей мертвой добыче. Грузный, одетый в прусский охотничий костюм зеленого цвета, с тирольской егерской шляпой на голове, в козырек которой было воткнуто красивое цветное перо фазана, человек своим внешним видом больше походил на неуклюжего медведя, одетого в человеческую одежду. Внешность часто бывает обманчива, в чем могли убедиться многие из врагов этого человека, которых он безжалостно убирал со своего пути, спокойно отправляя их в лагерь смерти, где все они сгинули, проклиная себя за то, что совершили самую главную ошибку своей жизни, недооценив этого неуклюжего и, как им представлялось, далеко не умного выскочки. Несмотря на свой смешной вид, этот человек был одним из самых опасных людей Европы.

Подойдя ближе, человек стал любоваться распростертым на земле лесным красавцем. Олень был молод, значит, сегодня предстоит отведать вкусное и мягкое мясо. Человек, забросив ружье за плечо, от удовольствия потер ладоши, предвкушая сытный и знатный ужин.

Звуки рожков и трещоток звучали уже совсем близко, а вскоре показались и сами загонщики. Несколько мужчин, одетых так же, как и удачливый охотник, стремительно приближались.

– Отличный выстрел, господин рейхсмаршал!.. Bravo!.. – Вышедший из чащи седовласый мужчина подошел к Герингу, продолжавшему любоваться убитым оленем. – Прямо в голову!.. Выстрел снайпера!..

Второй человек в иерархии фашистской Германии, рейхсмаршал Герман Геринг слегка улыбнулся, а потом, посмотрев на седовласого господина, с легкой иронией ответил:

– Ты прав, Олаф. Как видишь, прицел у меня со временем не сбился.

Тот, кого Геринг назвал Олафом, слегка наклонился к уху рейхсмаршала и, чтобы не смогли услышать остальные, тихо произнес:

– Да, Герман, прямо как тогда, в шестнадцатом году, когда ты сбивал самолеты Антанты над Францией. Здорово ты их тогда спускал с небес на землю...

Оба громко рассмеялись, поняв друг друга.

Тем временем один из загонщиков отделился от остальных и подошел к рейхсмаршалу. Это был капитан Неймар, сопровождавший Геринга в его поездке на сегодняшнюю охоту. Геринг заметил его в тридцать шестом году во время инспекции им одного из полков люфтваффе, базирующегося в Восточной Пруссии. И хотя Неймар не был летчиком, а был всего лишь штабным работником, все же Геринг выделил его, выделил и приблизил. С того времени капитан выполнял у Геринга своего рода службу ординарца.

– Господин рейхсмаршал, мы можем продолжать охоту. Во время гона оленя егеря обнаружили неподалеку отсюда свежие следы кабана. Судя по ним – кабан будет достойным трофеем в вашей охотничьей коллекции.

Геринг улыбнулся, довольный услужливостью Неймара, а также тем, что в этом человеке он не ошибся.

– Не сегодня, капитан. Поохотимся на кабана в другой раз. – Потом, повернувшись к Олафу, с иронией в голосе спросил: – Надеюсь, Олаф, ты пригласишь меня на кабанью охоту?

– О, безусловно, господин рейхсмаршал!.. В любое время я к вашим услугам. Мои егеря всегда наготове.

Геринг по-дружески похлопал Олафа по плечу, демонстрируя тому свою благодарность за только что произнесенные слова. Как и предполагал рейхсмаршал, его старый друг был по-прежнему ему безраздельно предан. В этом-то Геринг и хотел в первую очередь убедиться, намечая свою нынешнюю поездку на охоту. Олаф не догадывался, что охота была всего лишь поводом, которым Геринг воспользовался для встречи с ним.

– Нам пора возвращаться, господа, – громко сказал рейхсмаршал, поправляя на голове свою тирольскую шляпу. Настроение у него было явно хорошее. – Я уже чувствую запах жаренной на костре оленины, которую мы будем запивать прекрасным французским вином. Не так ли, дорогой Олаф?

– Конечно, господин рейхсмаршал... Все готово, мне осталось лишь отдать необходимые распоряжения.

Господин Олаф подозвал к себе одного из егерей и приказал тому на коне отправляться на виллу.

– Смотри, чтобы к нашему приходу все было готово, – напутствовал он слугу. – Да, и не забудь сказать сыну старого Вальтера, чтобы он подготовил для господина рейхсмаршала бочку для купания. Столы пусть накрывают на улице возле костра, где будем жарить оленя.

Егеря вскочил на коня и вскоре скрылся в лесной чаще.

Еще через полчаса охотники, прихватив с собой разделанную к тому времени тушу оленя, довольные не зря проведенным временем, весело двинулись к опушке леса, на которой расположилась прекрасная вилла хозяина – господина Олафа Золенберга.

Тем же вечером, когда уже совсем стемнело, участники охоты собрались за большим длинным столом, поставленным прямо перед центральным входом в виллу. Тут же неподалеку пылал огромный костер, над которым на вертеле жарился убитый рейхсмаршалом молодой олень. Слуги беспрерывно сновали туда-сюда, убирая старые и поднося новые

блюда. Стол ломился от всевозможных яств, не оставаясь никогда пустым. Чувствовалось, что хозяин виллы – господин Олаф Золенберг – явно подготовился к приезду своего старого товарища, зная тягу рейхсмаршала к обжорству. Из патефона, стоящего на террасе, доносилась игривая бравурная музыка.

Во главе стола восседал Геринг. Успев к началу застолья помыться в бочке с настоями лесных трав, рейхсмаршал выглядел бодрым и полным сил. Когда слуги наполнили бокалы, Геринг потребовал тишины, встал из-за стола и привычным властным голосом принялся говорить.

– Господа! – начал он, высоко подняв голову, – к настоящему моменту наши доблестные войска за месяц боев нанесли русским армиям такой сокрушительный удар, от которого Россия уже не оправится. Судьба ее решена, и решили ее мы – великая арийская раса!.. Совсем скоро мы возьмем Москву и Ленинград, и все будет кончено. Как и предсказывал наш великий фюрер, Россия оказалась колоссом на глиняных ногах, рухнувшим от одного лишь толчка. Я предлагаю первый тост за гений Адольфа Гитлера, господа!..

Все сидевшие за столом быстро встали и подняли свои бокалы.

– За нашего фюрера! За его великий ум и доблесть! – Геринг выпил вина, дождался, когда это же сделают и все остальные, и только потом сел обратно на свой стул. По приказу Золенберга слуги стали подносить обжаренные куски оленины и ставить перед гостями. Послышался привычный для этой ситуации звон вилок и ножей – гости, нагуляв аппетит на охоте, принялись сметать блюда с огромной скоростью, запивая съеденное изрядным количеством вина. Когда голод был утолен, рекой полились тосты за рейхсмаршала, за люфтваффе, за скорую победу над большевиками, начались разговоры о размерах земли, которую, как пообещал фюрер, получит каждый солдат вермахта, участвовавший в войне. Ужин плавно перерастал в пьяное веселье.

По правую руку от Геринга расположился капитан Неймар, непрерывно ловивший на себе завистливые взгляды сидящих за столом людей. Помимо прибывших вместе с рейхсмаршалом службистов, в застолье принимали участие также офицеры охраны виллы Золенберга. По всей видимости, думал Неймар, усмехаясь про себя, они считают его везунчиком, которому выпал счастливый билет, и теперь представляют себя на его месте. Но капитан, как никто другой, понимал, как опасно его положение. Стоило рейхсмаршалу впасть в немилость фюрера, и тогда его судьба – судьба капитана Неймара – будет напрямую зависеть от судьбы его шефа. В такой ситуации еще стоило подумать – завидовать ли ему или сочувствовать.

– Господин рейхсмаршал, сейчас самое время, – проговорил Неймар, наклонившись к Герингу. – Будет лучше, если вы поговорите с господином Золенбергом наедине. Здесь слишком много лишних ушей...

Видя, что рейхсмаршал немного опьянел, капитан решил поторопить события. Медлить с разговором, ради которого они приехали сюда, было уже нельзя.

– Да, да, Неймар, ты прав. Нужно только соблюсти еще небольшие формальности. – Раскрасневшийся от изрядного количества выпитого вина, Геринг встал и произнес тост за гостеприимного хозяина. Веселье продолжилось с новой силой. Охмелевшие офицеры охраны, поначалу опасавшиеся рейхсмаршала, теперь же, под влиянием спиртного совсем осмелевшие, принялись с новой силой обсуждать ситуацию на Восточном фронте, досадуя на то, что им приходится сидеть в тылу, пока их более счастливые товарищи громят большевиков, захватывая для Германии новые земли. С террасы все громче неслась музыка. Кто-то выстрелил в воздух, славя фюрера...

Выждав момент, Неймар подошел к хозяину виллы, отдававшему какие-то распоряжения слугам. Капитан внимательно пригляделся – друг рейхсмаршала не выглядел пья-

ным, наоборот, у Неймара сложилось такое впечатление, что из всех присутствующих он был самым трезвым, словно и не пил вовсе.

– Господин Золенберг, прошу вас пройти к костру, – произнес капитан, убедившись, что их никто не слышит. – Там вас ждет рейхсмаршал.

– Что-то случилось, Неймар? – Золенбергу явно не нравился этот выскочка капитан, следовавший, как он мог убедиться, за Герингом, словно тень. Нотки раздражения в голосе Золенберга не ускользнули от Неймара.

– Не беспокойтесь, господин Золенберг, ничего не произошло. Просто господин рейхсмаршал хочет поговорить с вами с глазу на глаз.

Хозяин виллы недовольно посмотрел на капитана, молча поднялся из-за стола и направился к костру, на котором жарилась сегодняшняя добыча. Перед этим он успел убедиться, что Геринга за столом уже нет. Бросив взгляд в сторону костра, Золенберг увидел массивную тучную фигуру рейхсмаршала, переминавшегося с ноги на ногу.

Увидев направляющегося к нему Золенберга, Геринг встрепенулся. Два егеря равномерно крутили вертел с насаженным на него оленем. Правда, теперь от туши осталось совсем ничего, но все же охотники привыкли дожаривать добычу до конца. Однако, получив приказ Золенберга убрать оленя с костра и отнести его в дом, егеря молча удалились.

Геринг и Золенберг остались наедине.

– Итак, дорогой Олаф, когда мы остались вдвоем, настало время поговорить серьезно, – сухо сказал рейхсмаршал. – Скажи, сколько прошло времени с момента смерти Марты?

– Больше года, – грустно ответил Золенберг, не понимая, куда клонит рейхсмаршал, спрашивая про его скончавшуюся супругу.

– Вот видишь – больше года! В нынешней ситуации – это срок, и срок огромный!.. Сейчас на Востоке решается судьба мира на многие века вперед, и было бы глупо оставаться в стороне от происходящих событий.

– К чему ты это говоришь, Герман?

По имени Золенберг называл рейхсмаршала только тогда, когда они оставались вдвоем. Хотя все прекрасно знали, что они являются друзьями еще с тех времен, когда оба воевали в одной эскадрилье в Первую мировую войну. Потом вместе участвовали в создании штурмовых отрядов нацистской партии в Баварии, громивших на улицах Мюнхена коммунистов Тельмана и социал-демократов. Кроме того, Золенберг был высокопоставленным сотрудником аппарата СС, принимавшим непосредственное участие в организации на территории Германии концентрационных лагерей. Когда год назад скончалась его жена, Гитлер лично распорядился предоставить Золенбергу время для того, чтобы он пришел в себя. Фюрер помнил, как Марта нежно ухаживала за ним после того, как какой-то коммунист во время митинга в Мюнхене бросил в него булыжник, попав в ногу. Тогда Гитлера дотащили до квартиры Золенберга, где огромную опухоль на его ноге лечила жена Золенберга, работавшая медсестрой в больнице для бездомных. Тогда же Геринг познакомил его и с самим Золенбергом.

– Я думаю, Олаф, тебе настала пора возвращаться в работу. Год – достаточный срок для того, чтобы вернуться в колею.

– У тебя что-то конкретное?

Собеседники пристально посмотрели друг на друга. Рейхсмаршал уловил во взгляде Золенберга заинтересованность. «Значит, согласится», – подумал он.

– Конкретнее некуда. – Геринг оживился, видя позитивный настрой Золенберга. – Я хочу поручить тебе одно большое дело.

– Здесь?

– Нет, на оккупированной территории, в России.

– Что за дело?

– Сейчас все расскажу. – Геринг посмотрел по сторонам, убеждаясь, что их никто не подслушивает. За столом продолжалось веселье, слышались пьяные возгласы, с террасы все так же звучала бравурная музыка.

– Два дня назад неподалеку отсюда, в «Волчьем логове», состоялось совещание у фюрера, – продолжил Геринг, беря Золенберга под руку. – Я только что оттуда и...

Золенберг не дал ему продолжить, удивленно спросив:

– «Волчье логово»?.. Что это еще такое?..

Геринг усмехнулся.

– Пока ты, дорогой Олаф, скорбил по умершей супруге, у тебя под носом «Организация Тодта» построила секретный бункер для фюрера. Если даже ты, живущий неподалеку, ничего не заподозрил, то, значит, наша маскировка сработала отлично... Bravo, Гиммлер!..

– И где этот бункер находится?

– Это военная тайна, дорогой Олаф... Но тебе так и быть скажу – в лесу Герлиц, неподалеку от Растенбурга. На тот случай, если все же строительство скрыть не удастся, будет пущен слух о том, что ведется стройка химического завода «Аскания».

– Да, СС свое дело знает, – покачал головой Золенберг. – Так что ты говорил про совещание?..

– На нем, – продолжил Геринг, – решался вопрос о судьбе оккупированных земель. Было решено разделить захваченные территории на несколько округов, с гауляйтером во главе каждого. Их будет назначать лично фюрер. После совещания я имел с ним приватную беседу...

Золенберг подумал было, что Геринг рекомендовал его Гитлеру в качестве одного из гауляйтеров и теперь будет уговаривать его занять эту должность, но ошибся.

– ...В свое время я охотился в Беловежской пуще и сумел убедиться в том, что этот огромный лесной массив в самом центре Европы представляет собой идеальное место для охоты. – Геринг внимательно смотрел на своего старого друга. – Я хочу расширить его...

– Каким образом? – спросил Золенберг, пытаясь понять для себя, к чему же клонит рейхсмаршал. Он понимал, что Герман что-то задумал, и не последняя роль в этой задумке отводилась ему, Олафу Золенбергу. Не зря же рейхсмаршал приехал к нему в гости в столь решающий момент наступления немецких армий на востоке.

– Неподалеку от Беловежской пуши находятся Кнышиньская и Ромницкая пуши, а также Августовские леса. Они отделены от Беловежья полями, на которых местные крестьяне выращивают пшеницу. Я предложил фюреру свой план, и он согласился с ним. План включает в себя мероприятия по соединению всех лесных массивов в единый огромный лес. Мы засадим пространство между пущами новыми деревьями, запустим в этот новый лес животных. Представляешь, какие это будут охотничьи угодья? Также там можно будет построить великолепные дома отдыха. Но, как ты понимаешь, этот план потребует колоссальных усилий по его претворению в жизнь.

– И какую же роль в его выполнении ты отвел мне, дорогой Герман? – Начинаящий все понимать Золенберг хотел быстрее убедиться в своей догадке.

– Роль главного координатора. В твое распоряжение будут предоставлены все имеющиеся в районе войсковые соединения, отряды СС и тысячи русских военнопленных. Подчиняться ты будешь только мне, и никому больше. Делай все, что считаешь нужным. Помни, для нас важна только цель. Какие средства ты будешь использовать для ее достижения и какой ценой ты достигнешь ее – тебя не должно волновать. Так что – ты согласен?..

– Перед тем как ответить, я хочу задать тебе еще один вопрос, Герман.

– Слушаю тебя... – Геринг внутренне напрягся, ожидая от Золенберга какого-то подвоха.

– А что делать с жителями тех деревень, которые расположены в зоне?

– О, тебе ли этого не знать, друг мой!.. – рассмеялся рейхсмаршал, расслабившись. – Сами деревни сжечь, тех же, кто будет сопротивляться, – ликвидировать, ну а оставшихся – отправить в концлагеря. Их создание также предусмотрено планом. Никто лучше тебя в Германии этого не может делать, дорогой Олаф, не так ли?..

Золенберг думал недолго. Со времени смерти жены прошло больше года, боль немного притупилась, стихла. Марту было уже не вернуть, как было не вернуть и прожитые вместе с ней годы. Он уже давно смирился с тем обстоятельством, что ему нужно найти в себе силы как-то жить дальше.

– Хорошо, я согласен...

– Вот и прекрасно. Я уже распорядился, чтобы завтра за тобой прилетел самолет.

– Самолет?.. Уже завтра?..

– Ситуация на фронте меняется стремительно, ждать некогда. Вылетишь в Белосток на рассвете. Все необходимые бумаги по подтверждению твоих полномочий, а также сам план операции уже подготовлены и находятся у капитана Неймара в портфеле. Он передаст его тебе непосредственно перед вылетом.

– Неймар что – в курсе операции? – недовольно спросил Золенберг.

– Только в общих чертах. Деталей он, естественно, не знает.

– Понятно. Значит, завтра, на рассвете...

– Да, будь готов... – Геринг вылил из своего бокала остатки вина в костер. – Ну а теперь, друг мой, когда мы все обсудили, пора вернуться и закончить это затянувшееся веселье, иначе завтра мы на целый день будем выведены из строя.

Геринг и Золенберг рассмеялись и отправились обратно к столу.

Они не могли видеть, как из-за росшего неподалеку от костра дерева отделилась темная фигура и скрылась в постройках дома. Это был старый Вальтер, плотник виллы Золенберга, ответственный за поддержание огня. Возвращаясь обратно к костру с хворостом за спиной, взятым из дровника, Вальтер с удивлением увидел, как Золенберг удалил от костра двух егерей, жаривших оленя, а сам вместе с Герингом остался наедине. Бесшумно положив вязанку хвороста на землю, никем не замеченный, плотник достиг сосны, росшей в нескольких метрах от костра. Блики огня не достигали того места, где он остановился, зато ему в свете костра все было хорошо видно и довольно сносно слышно.

Разговор между Герингом и Золенбергом взволновал Вальтера. Он никогда не интересовался политикой, зато политикой интересовался его младший брат – примкнувший к коммунистам Густав. Вальтер любил брата и наивно полагал, что за полученную информацию Густаву неплохо заплатят, как он называл их про себя, «ребята Тельмана». Уж что-что, а в деньгах его брат нуждался – у него было пятеро детей, а работа рядового ткача на фабрике в Растенбурге оплачивалась из рук вон плохо.

«Может, повезет брату», – думал Вальтер, ложась в свою постель после того, как веселье подошло к концу и гости Золенберга разбрелись по своим комнатам.

Завтра Вальтер решил под предлогом покупки новых инструментов съездить в Растенбург и передать разговор между Герингом и Золенбергом своему брату Густаву – немецкому антифашисту, члену Компартии Германии.

2

Кабинет тонул в полумраке. Приглушенный свет от настольной лампы падал на лежавшую посередине стола папку бордового цвета. На улице был день, но наглухо задвинутые шторы на окнах кабинета создавали ложное впечатление наступившего вечера.

Генерал Калачев, сидевший за столом, медленно протянул к папке руку, затем быстрым движением раскрыл ее и достал оттуда единственный находившийся в ней лист бумаги. Поправив настольную лампу так, чтобы свет падал точно на бумагу, генерал надел очки и в очередной раз углубился в текст шифрограммы.

Сводки агентуры, по установленным в Управлении правилам, доставлялись ему два раза в день – утром и вечером, но если поступившие сведения содержали в себе нечто важное, то сводки ложились на стол генерала незамедлительно. Так было и на этот раз.

Закончив читать, Калачев отложил лист бумаги на край стола и закурил.

Полученная от советского резидента в Кенигсберге шифрорадиограмма, которую только что прочитал генерал, содержала в себе сведения, над которыми предстояло серьезно задуматься.

Ш и ф р о р а д и о г р а м м а

Сверхсрочно!

Захару.

По сведениям немецких антифашистов, в районах Беловежской пуши и Августовских лесов немцами планируется провести операцию по уничтожению мирного населения с целью очистки территории для последующей засадки ее лесом. Руководство данной операцией Герингом возложено на Олафа Золенберга, который вылетает для этого в Белосток.

Тот же источник сообщает, что в окрестностях Растенбурга, в лесу Герлиц, идет строительство ставки Гитлера под кодовым названием «Вольфшанце».

Кравчук.

Поразмышлять Калачеву не удалось: громко прозвучал телефонный звонок. Не вынимая папиросу изо рта, генерал протянул правую руку к трубке. Телефон в его кабинете звонил постоянно, этого требовала непрерывно меняющаяся ситуация на фронте, на которую необходимо было реагировать мгновенно.

– Товарищ генерал, поступило новое сообщение от нашего резидента в Кенигсберге, – услышал он в трубке голос подполковника Шубина. – Оно касается обстоятельств получения информации по операции немцев в районе Белостока.

– Жду вас, приходите немедленно... – ответил Калачев и опустил трубку.

Не прошло и минуты, как Шубин перешагнул порог кабинета своего начальника. Калачев взглянул на своего помощника, направляющегося к его столу твердым уверенным шагом. Серьезный, исполнительный и немногословный, Шубин относился к тому типу людей, которые добросовестно и точно выполняли приказы своего руководства, но при необходимости и сами могли высказать свое видение ситуации.

Подойдя к столу, подполковник достал из папки лист бумаги и протянул его Калачеву.

– Новая шифрорадиограмма от «Кравчука», товарищ генерал. Только что получили...

Взяв в руки бумагу, Калачев бегло пробежал текст глазами, потом перечитал еще раз, внимательно вглядываясь в каждое слово, и только затем положил шифрограмму на край стола, поверх той, которую он недавно прочитал.

Ситуация немного прояснилась, но не настолько, чтобы можно было иметь полное представление о задуманном немцами.

В последней шифровке резидент в Кенигсберге более точно сообщил источник, от которого он получил информацию о новой ставке фюрера и об уничтожении немцами населения в районе Белостока. Резидент сослался на жителя Растенбурга и ткача по профессии Густава Шиммеля, немецкого коммуниста с десятилетним стажем. Тот, в свою очередь, узнал все от своего родного брата Вальтера, плотника имения Золенберга, подслушавшего разговор своего хозяина с Герингом.

Информацию о ставке Гитлера генерал незамедлительно передал начальнику Наркомата. Было понятно, что этот вопрос должен решаться на уровне высшего политического руководства страны. К тому же ставка Гитлера находилась на территории Германии, до которой было далеко, а вот район Белостока входил в оперативную возможность отдела Управления, которым руководил Калачев.

Сняв очки, генерал поднял взор на стоявшего возле стола Шубина.

— Садитесь, подполковник. — Дождавшись, когда Шубин сядет, Калачев продолжил: — ...Подслушанный разговор... плотник из имения... второе лицо рейха... ставка фюрера... Не водят ли нас за нос? Возможно, втягивают в какую-то игру?.. Слишком уж как-то гладко все выглядит, не находите?..

Шубин покачал головой.

— Если нам пытаются впихнуть «липу», то с какой целью?.. Думаю, маловероятно, товарищ генерал. Немцы должны понимать, что такие сведения мы будем проверять в первую очередь, а потом и перепроверять, причем неоднократно. Если это «липа», то мы это поймем очень быстро. Единственная выгода для немцев в этой ситуации может заключаться лишь в том, чтобы оттянуть наши силы на проверку этой информации, но у нас хватит сил действовать и по другим направлениям, так что у них никакого интереса здесь быть не может. — Подполковник постучал пальцами по столу. — К тому же полученную информацию мы можем легко проверить...

Калачев потушил окурок папиросы в пепельнице и взглянул на своего помощника.

— Черняк?..

— Да, товарищ генерал. Если операция не блеф и Золенберг действительно прибыл в Белосток, то там он должен будет развить бурную деятельность. Масштаб-то операции немалый. По нашим сведениям, в обозначенном районе в деревнях проживают порядка ста тысяч человек, и в любом случае немцы не смогут скрыть факт уничтожения такого количества жителей. Черняк может все легко проверить...

— Логично. — Калачев, соглашаясь, развел руками. — Что у нас есть по этому Золенбергу?

— Я успел просмотреть картотеку, товарищ генерал. Картина получается следующая... Олаф Золенберг, сорок восемь лет, вдовец, жена умерла год назад. В Первую мировую войну служил в полку «Рихтгофен», которым командовал Геринг...

— Так вот почему тот поручил именно Золенбергу руководство операцией, — прервал подполковника Калачев. — Ему нужен свой человек во главе всей этой затеи...

— Безусловно... — согласился Шубин... — Геринг хочет иметь всю информацию о ходе проводимой операции, чтобы потом надеть на себя лавры победителя. К тому же нельзя исключать и того факта, что между соратниками Гитлера идет борьба за влияние на него. В этой игре любые достижения можно представить в выгодном для себя свете, соответственно, принизив заслуги соперников. Так что назначение Золенберга вполне логично...

— Чем он занимался в последнее время? — спросил Калачев.

— До момента смерти жены в течение шести лет руководил организацией концентрационных лагерей на западе Германии для евреев и коммунистов. Так что опыт руководства у него есть, и опыт немалый. Противник серьезный...

– Да-а... – задумчиво протянул Калачев, поморщившись. – Из характера его прежней деятельности можно с уверенностью сказать, что он является идейным нацистом. А такие ни перед чем не остановятся, дай им только волю... Щупальца им рубить нужно, пока дел не натворили. Для меня понятно, что мы не должны вести себя в этой ситуации пассивно... Нужно активно противодействовать... – везде, где это только возможно. – Калачев внимательно посмотрел на Шубина. – Как вы себе представляете нашу задачу?

– Не вызывает сомнений, товарищ генерал, что операцию немцев необходимо сорвать.

– У вас есть конкретные предложения?

– Мы не знаем деталей операции, верно? Соответственно, мы не можем знать о последовательности действий немцев. С чего они начнут, где, откуда и какими силами станут уничтожать деревни – нам неизвестно. К тому же обозначенный район – Беловежье и Августовские леса – сам по себе по своим масштабам огромен. В этой ситуации для нас остается единственный вариант – поручить Черняку с помощью оставленного в городе подполья добыть план немцев. Если у нас будет план, мы сможем хотя бы предотвратить уничтожение населения, дав команду партизанским отрядам по возможности увести людей в леса.

– Думаю, это не решит проблему, – сказал Калачев. – Полагаю, что необходимо посмотреть на возникшую ситуацию намного шире. Считаю, нужно исходить из того, кто руководит операцией.

– Вы имеете в виду Золенберга?

– Да, будем плясать от него. Мне представляется, и думаю, что вы здесь правы, задуманной операцией Геринг хочет повесить свой вес в глазах Гитлера. Золенберг в этом отношении – фигура ключевая. Положение на фронте меняется очень быстро и пока что в пользу немцев. Они продвигаются вперед стремительно. В этой ситуации командирам вермахта явно не захочется оттягивать свои войска с фронта и задействовать их у себя в тылу для операции по уничтожению населения. Заставить их может только высокий авторитет человека, который руководит этой операцией. Золенберг таким человеком явно является. Убери его – будет шанс, что операция вообще сорвется или, по крайней мере, будет отложена.

– На чем вы основываетесь, делая такой вывод, товарищ генерал? – спросил Шубин. Он слушал Калачева, глядя на настольную лампу, стоявшую на столе. Давно работая с генералом, Шубин понимал, что в этот момент Калачев был в своей стихии – как никто другой он умел просчитать действия противника на несколько ходов вперед.

Калачев на мгновение задержал взгляд на подполковнике, положил руку на шифрограммы, провел по бумаге пальцами.

– Поставим себя на место немцев... – наконец произнес он. – Если будет обезглавлен руководитель операции, то Герингу понадобится время на поиск новой кандидатуры. За это время, думаю, недруги рейхсмаршала, к числу которых, по агентурным сведениям, относятся и высшие чины вермахта, сумеют доказать Гитлеру, что войска нужны в первую очередь для развития наступления, а вовсе не для карательных операций. В этом случае Гитлер явно встанет на их сторону. Весомым аргументом здесь будет то, что очистить территорию можно будет, по его мнению, и после победоносного окончания войны, соответственно, в этой ситуации ждать от армии помощи в исполнении своей затеи Герингу не придется. А без армейских частей такая операция не может быть проведена – слишком большой масштаб.

– Но там наверняка есть войска СС? – вставил Шубин.

– По сообщениям нашей разведки, большинство дивизий СС действуют в другом месте, на западном участке фронта, на направлении главного немецкого удара. Если какие эсэсовцы в том районе сейчас и есть, то их количества для такой операции явно недостаточно. Понадобится время, чтобы подтянуть новые части из других мест. К тому же Гиммлер может воспользоваться ситуацией и попытается поставить во главе этой операции своего человека, чему Геринг, безусловно, будет сопротивляться. На это тоже уйдет время, а

без руководителя операция не начнется. Мы, как минимум, оттянем время. В любом случае ликвидация Золенберга внесет хаос в планы немцев. Так что вывод тут может быть один – физически устранить назначенца Геринга...

– В одиночку это будет проблематично... – вставил Шубин. – У такой важной птицы должна быть многочисленная охрана...

Калачев выдвинул ящик стола, достал оттуда пачку папирос. Закурил, пустил кольцо дыма в потолок, после чего ответил:

– Хотя изначально мы предполагали автономный вариант деятельности группы Черняка, но в возникшей ситуации, по-видимому, придется дать ему пароль для связи с оставленным в городе подпольем. Пусть скоординируют свои действия. Для нас в этой ситуации важным может быть только одно – во что бы то ни стало мы должны сорвать планы немцев и помешать уничтожению советских людей...

3

В десятом часу утра по местному времени на углу улиц Эриха Коха и Бисмаркштрассе остановился немецкий офицер в чине гауптмана, одетый в новенькую, с иголки форму. Не прошло и месяца, как немецкие войска заняли Белосток, а на стенах домов уже красовались красивые таблички с готической вязью с новыми названиями улиц. Гитлеровцы принялись устанавливать в городе «новый порядок», одним из главных пунктов которого являлось уничтожение прежних символов и названий.

Офицер огляделся по сторонам, неторопливо достал из кармана пачку сигарет, закурил, а потом медленно побрел по тротуару в направлении виднеющегося неподалеку табачного киоска. Сигарета была последней, поэтому он скомкал ставшую ненужной пачку и бросил ее в мусорный ящик, стоявший на его пути.

В нагрудном кармане у офицера лежало удостоверение на имя гауптмана Вилли Коллера, направляющегося в распоряжение своей части после кратковременного отпуска, проведенного им у себя на родине, в Австрии.

Не прошло и получаса, как гауптман вышел из здания комендатуры, в которой он зарегистрировался в качестве офицера, следующего на фронт. Все прошло без происшествий – служащий комендатуры, бегло взглянув на вошедшего в его кабинет гауптмана, чисто формально изучил его документы, а потом поставил в командировочном удостоверении печать, куда вписал срок в двое суток, в течение которых гауптман может находиться в городе. Затем вернул документы и, пожелав удачи на фронте, отпустил. Было совершенно ясно, что ему нет никакого дела до очередного сухопутного вояки, которые проходили перед его глазами каждый день в огромном количестве. Теперь Коллер мог совершенно спокойно гулять по улицам города, не опасаясь быть разоблаченным, что, в принципе, ему и было нужно.

На самом деле гауптман вермахта Вилли Коллер был не кто иной, как капитан Разведуправления Красной Армии Игорь Черняк.

Вчера им была получена радиограмма из Центра с приказом срочно связаться с подпольем, оставленным в городе. Однако Центр умолчал о цели такой встречи, ограничившись лишь указанием явки и пароля. К тому же Черняку было приказано явиться на встречу в форме офицера немецкой армии, документы которого были совсем недавно переданы его группе, действовавшей в Супрасельской пуще. Как сообщалось в полученной радиограмме, выходявшие из окружения советские части захватили в плен некоего Вилли Коллера, возвращающегося на фронт из отпуска. Самого Коллера пришлось ликвидировать (держать его в плену в условиях прорыва из окружения было невозможно), но командир оказался предусмотрительным и сохранил его форму и документы, которые затем, после выхода из окружения, передал в Особый отдел армии. Эти вещи, а также другой необходимый груз группе Черняка сбросили с самолета душной июльской ночью всего неделю назад. И вот теперь, шагая по улицам Белостока, Черняк примерял на себя роль убитого немецкого офицера, стараясь ничем не выделяться и соответствовать той роли, которая ему отводилась.

Дойдя до табачного киоска, он остановился, посмотрел по сторонам. Вроде все было в порядке. Теперь самое главное.

Наклонившись к окошечку, Черняк на немецком языке спросил:

– У вас есть французские сигареты?

Это была первая часть пароля, переданная ему Центром. Теперь он ждал ответа.

– Французских нет, но есть хорошие немецкие. Будете брать? – Голос, прозвучавший изнутри киоска, был мужским. Человек ответил по-немецки, в котором Черняк услышал легкий польский акцент.

– Нет, спасибо. Попробую купить французских сигарет в Минске.

Это была завершающая часть пароля. Черняк наклонился ниже, стараясь не упустить ничего из того, что будет сейчас произнесено. Человек, находившийся внутри киоска, быстро заговорил:

– На Кайзерштрассе есть зеленый дом с апостолами на крыше. Он там один такой. Сейчас вы пойдете туда и подниметесь на второй этаж в квартиру № 11, к Ежи Ковальскому. Пароль такой. Вопрос: «Я слышал, что вы сдаете комнату». Ответ: «Да, только она с видом во двор». Вы скажете: «Если в вашем дворе растут деревья, то меня устраивает». Там вам все объяснят. Пароль произнесете на русском языке. Да, перед тем как позвонить в дверь квартиры, убедитесь, что в витрине находящегося в этом же доме на первом этаже магазина по продаже одежды на голове манекена берет коричневого цвета. Запомните, именно коричневого цвета. Если берет будет другого цвета – это сигнал опасности. А теперь купите у меня любые сигареты, чтобы не привлекать внимания.

Черняк достал из кармана деньги, протянул их продавцу. Тот передал ему пачку сигарет, которую капитан демонстративно, на виду у прохожих, затолкал в карман своего кителя.

Ситуация, с которой он столкнулся, требовала от него теперь предельного напряжения и внимания. Чтобы встретиться с нужным человеком, у подполья, как оказалось, действовала многоступенчатая система связи. В этом был несомненный резон. Так уменьшалась опасность провала всей группы. Если немцы каким-то образом выйдут на продавца табачного киоска как на первое звено, в ситуации провала окажется только он. Остальные звенья могут посыпаться только в одном случае – если продавец сигарет не выдержит пыток и «поплывет». Но за это время пароли и места явок успеют поменять. Для Черняка, как для профессионального разведчика, было совершенно ясно и то, что в первое звено всегда ставили самых стойких людей, чтобы у остальных оставалось время «обрубить концы» и затаиться. К тому же человек из первого звена мог выдать только людей из звена второго, про остальных он осведомлен не был.

Завернув за угол, Черняк вышел на бывшую Пролетарскую улицу, теперь поменявшую название на Гиммлерштрассе. Белосток он изучил по довоенной карте со старыми советскими названиями улиц и площадей, которые затем ему пришлось запоминать в их новой, немецкой интерпретации.

Улицы Белостока за прошедший со времени оккупации месяц преобразились до неузнаваемости. Появились частные магазины и лавки, названия которых гордо красовались на пестрых кричащих вывесках. Казалось, город вернулся на два года назад, во времена Польской республики до начала войны 1939 года.

Идти предстояло долго. Неспешно двигаясь вдоль домов по мощенному брусчаткой тротуару, Черняк внимательно всматривался в людей, попадавших ему на пути. Не исключено, что за ним могли следить. Несколько раз он останавливался перед витринами магазинов, пытаясь определить для себя что-то подозрительное. Пока ничто не говорило ему, что он в опасности. Это означало, что либо «хвоста» за ним вообще не было, либо его «вели» профессионалы своего дела. Каждый раз, когда ему навстречу шли немецкие офицеры, Черняк внутренне напрягался, чувствуя, как ощущение опасности заполняет его. Но всякий раз, по-армейски поприветствовав его, офицеры шли дальше, и Черняк продолжал свой путь.

Светило солнце, и росшие вдоль тротуаров деревья, сверкающие солнечными бликами своей листвы, создавали ложное впечатление царившего вокруг мира и безмятежности.

Свернув на улицу Трех Императоров, капитан быстро пересек ее и вышел на площадь Адольфа Гитлера. Отсюда до улицы Кайзерштрассе, где находилась явка, было уже недалеко. Этот район Белостока Черняк изучил досконально, поскольку именно в нем располагались все административные здания немецкой оккупационной администрации.

Спустя десять минут Черняк уже стоял у нужного ему дома. Его он определил сразу – стены были выкрашены в зеленый цвет, а наверху стояли маленькие скульптурки апостолов.

Дом практически не пострадал от войны, лишь кое-где в стенах виднелись выбоины от пуль, да и то, по всей видимости, прилетевших сюда случайно.

Большая, протянувшаяся через весь первый этаж дома стеклянная витрина магазина привлекала к себе всеобщее внимание прохожих. В глаза бросалось многообразие выставленных в ней товаров, что в дни войны выглядело как-то даже непривычно.

Черняк подошел ближе и встал рядом с пожилой женщиной, разглядывающей сапожки различных фасонов, цветов и размеров. Капитана же интересовало совсем иное. Пройдя вдоль всей витрины, он заметил в самом ее конце, возле двери в подъезд, женский манекен. На голову манекена был надет берет коричневого цвета. Значит, опасности не было и можно было идти внутрь.

Черняк огляделся, потянул на себя тяжелую массивную дверь и вошел в подъезд. Легкая темнота обступила его со всех сторон, но через несколько секунд глаза привыкли, и капитан двинулся по довольно широкой мраморной лестнице вверх. На втором этаже он остановился. Медная табличка возле квартиры номер одиннадцать гласила, что в этой квартире проживает Ежи Ковальский. Надпись была сделана на русском языке.

Черняк два раза позвонил в квартиру. Не прошло и минуты, как дверь открылась. Капитан приготовился увидеть солидного пожилого человека, а-ля профессор-интеллигент, но неожиданно для него дверь открыл мужчина среднего возраста, на вид около сорока лет, одетый в поношенный костюм невзрачного серо-мышиного цвета.

– Я слышал, что вы сдаете комнату? – как можно спокойнее спросил Черняк по-русски.

Мужчина не растерялся и так же непринужденно по-русски, но с явным польским акцентом, ответил:

– Да, только она с видом во двор.

– Если в вашем дворе растут деревья, то меня устраивает.

Мужчина кивнул, распахнул дверь шире и жестом пригласил капитана пройти внутрь.

Они прошли в дальнюю комнату, окна в которой были плотно зашторены. Черняк внимательно приглядывался к обстановке квартиры, пытаясь по ней понять характер ее хозяина. На полках стояли книги на польском языке, на стенах висели картины, в большинстве своем пейзажи. По прикидкам, это было жилище типичного польского интеллигента. В квартире никого, кроме открывшего дверь мужчины, Черняк не заметил. Впрочем, все могло быть совсем не так, и где-то внутри прятались люди.

– Прошу вас, присаживайтесь. – Мужчина указал капитану на небольшой диван, стоявший вдоль стены комнаты. Сам же уселся в мягкое кресло напротив. И сразу же, не теряя времени, заговорил по-русски:

– Итак, давайте начнем с самого главного. Центр поручил нам задание, которое требует координации наших действий. Я имею в виду действий нашей подпольной группы, находящейся в городе, и вашей, действующей в лесах. Я являюсь одним из руководителей городского подполья. Зовите меня просто Ежи...

– Вы поляк? – осторожно спросил Черняк.

– Не совсем... Моя мать полька, а отец австриец.

– Австриец? – удивился капитан, вскинув вверх брови.

Ежи улыбнулся. По всей видимости, он уже привык к подобной реакции людей на свою родословную.

– Своего отца я никогда не видел. Со слов матери знаю, что он был солдатом австро-венгерской армии. Их часть стояла в той деревне, где жила тогда моя мать. Это было во время Первой мировой войны. Знаете ведь, как это бывает... Любовь... Вот я и являюсь плодом этой любви.

– Сколько вам лет?

– Двадцать шесть... Я знаю, что выгляжу старше своего возраста. Но знаете, где-то это даже помогает...

Черняк решил переключиться на то, ради чего он, собственно, и пришел сюда.

– Так какой приказ вы получили из Центра?

Ежи достал из внутреннего кармана пиджака несколько фотографий и протянул их капитану.

– Нам нужно ликвидировать этого человека как можно быстрее. В этом смысл задания.

Черняк внимательно посмотрел на переданные ему фотографии. С них на него смотрел одетый в эсэсовский мундир офицер. Капитан сразу же отметил для себя волевое выражение лица этого человека, его властность. Типичное лицо нацистского фанатика, получившего милостью фюрера право по своему усмотрению казнить и миловать врагов Третьего рейха.

– А конкретнее? – спросил он, обратив взор на Ежи.

– Этого человека зовут Олаф Золенберг. Он является приближенным рейхсмаршала Геринга. До войны занимался организацией концлагерей в Германии. В настоящее время назначен Герингом руководить секретной операцией здесь, в Белостоке.

– В чем ее суть?

– Смысл операции в том, чтобы уничтожить мирное население, проживающее в районах Беловежской пущи и Августовских лесов.

– С какой целью?

– Немцы хотят объединить все окрестные леса в один огромный лес. Для этого им нужно полностью очистить пространство, которое под этот лес отводится. После уничтожения в этой зоне деревень и их жителей немцы засадят пустые поля между Беловежьем и Августовскими лесами новыми деревьями. Таким образом, на том месте, где сейчас живут люди, по их плану, со временем будет шуметь гигантский лес.

– И сколько в этой зоне жителей?

– По нашим скромным подсчетам – порядка ста тысяч человек.

Черняк от удивления даже слегка присвистнул.

– Цифры огромные. Ясно одно – воплощение этого плана в жизнь потребует от немцев огромных усилий.

– Вот как раз для этого Золенберг и назначен руководить всей этой затеей. Он ведь имеет огромный опыт уничтожения людей в концлагерях.

Ковальский подождал, пока капитан рассмотрит фотокарточки повнимательнее. Снимки подпольщики получили от советского парашютиста – девушки-радистки, сброшенной к ним с рацией, чтобы держать постоянную связь с Москвой.

– Фотографии Золенберга, извините, я вам дать не могу. Если вас задержат немцы и найдут их, то вам не выкрутиться. Я думаю, что вы это и сами прекрасно понимаете. Так что смотрите внимательно и запомните это лицо.

Через минуту Черняк вернул фотографии обратно. Ежи спрятал их во внутренний карман пиджака, а затем продолжил:

– Золенберг уже находится в Белостоке. Мы установили это точно. Но пока никаких шагов не предпринимает. Думаю, входит в курс дела. Пытается осмотреться и определиться со своими дальнейшими действиями. Мы не должны дать ему возможность начать эту операцию...

Черняк поднялся с дивана и прошелся по комнате. Остановившись возле картины, на которой был изображен зимний лес, он спросил Ежи:

– Для того чтобы начать претворять эту огромную операцию в жизнь, требуется предварительно разработанный план. Вам известно что-либо о его существовании?

– План существует. Это также установлено.

– Интересно – откуда?

Капитан вовсе не надеялся на ответ подпольщика, но, к его удивлению, Ежи ничего от него скрывать не стал.

– У нас есть свои люди в местных немецких учреждениях. План находится в кожаном портфеле, который Золенберг всегда носит на своей правой руке, прикрепленной к портфелю наручниками. – Ковальский посмотрел на капитана, пытаясь предугадать ход его мыслей. Вопрос о плане операции насторожил подпольщика.

– Хочу заметить, что Центр не давал нам задание выкрасть план операции. Речь идет лишь о физическом устранении Золенберга.

Черняк понимал Ежи. Выкрасть план означало рискнуть своими людьми, работающими у немцев, чего, вполне естественно, городскому подполью явно не хотелось. Видя возникшую напряженность, капитан отдавал себе отчет в том, что в данной ситуации единственным правильным решением было четко выполнить указание Центра и не проявлять в этом вопросе самостоятельности. Несомненно, в Центре тоже взвесили все «за» и «против». И если там решили, что для срыва операции необходимо ликвидировать ее руководителя, а не получить план самой операции, то так, видимо, в данный момент было предпочтительнее.

– Безусловно, мы должны выполнить приказ Центра, – примирительно сказал капитан, – весь вопрос заключается только в деталях. У вас есть конкретные предложения, как нам уничтожить Золенберга?

Ежи был готов к такому вопросу. За два дня, прошедших после того, как подпольная группа получила приказ из Центра, он со своими товарищами успел продумать и просчитать разные варианты устранения назначенца Геринга. Оставалось лишь озвучить свои мысли сидящему напротив него капитану и выслушать его мнение. Возможно, тот предложит что-то другое или же внесет в задуманный план свои коррективы. Ведь непосредственно ликвидировать Золенберга, согласно плану, придется его группе. На долю же подпольщиков выпадало лишь обеспечить группу капитана информацией о передвижениях эсэсовца.

– Золенберг прибыл в Белосток три дня назад и разместился в здании окружного управления СС. – Голос Ежи Ковальского был твердым. – За зданием мы установили круглосуточное наблюдение, и все эти три дня эсэсовец из дома не выходит. По всей видимости, там он работает и там же ночует. Подтверждением этому служит и то обстоятельство, что вокруг здания и внутри него многократно усилена охрана. Но рано или поздно ему все равно придется покинуть здание. Педантизм предполагает проверку лицом, отдающим приказы, результатов их исполнения. Думаю, Золенберг захочет сам выехать на места уничтожения деревень. Исходя из этого, представляется целесообразным осуществить нападение на его кортеж во время этой поездки.

– Хорошо, но как мы узнаем время и места его выездов? Плана операции у нас ведь нет?

– Эту проблему решим мы. Вы будете знать о времени и точном маршруте движения Золенберга. Эти сведения даст нам свой человек, работающий у немцев. Я уже говорил вам...

Черняк покачал головой, давая понять, что у него есть какие-то сомнения.

– Ваш план имеет одно слабое место – он всецело построен на предположении о том, что Золенберг будет лично участвовать в карательной операции. А что, если ваше предположение не подтвердится? Что мы будем делать в том случае, если эсэсовец будет отдавать приказы отсюда, даже не выходя из здания СС, а проверять их исполнение будут его порученцы, которых он, возможно, привез с собой?

Черняк думал, что подпольщику не будет что на это ответить, но тот, как оказалось, вовсе не растерялся.

– В этом случае Золенберга ликвидирует один из наших людей, работающий у немцев.

– ...И таким образом раскроет себя, – вставил капитан. – К тому же ваш человек, учитывая усиленную охрану эсэсовца, даже если покушение и удастся, не сумеет уйти. Его схватят...

– Поверьте, он знает, на что пойдет. Это преданный нам человек, к тому же ненавидящий фашистов.

– Все равно Центру будет нужна гарантия того, что его приказ обязательно будет выполнен... – Черняк на секунду призадумался. – Ну, ладно, гадать на кофейной гуще не станем. Будем действовать по обстоятельствам... Как вы сообщите нам о маршруте Золенберга, если тот действительно лично поедет на место карательной операции?

Ковальский слушал капитана очень внимательно, стараясь понять этого человека, которого он видел впервые и с которым ему, скорее всего, предстоит работать и дальше. Борьба с фашизмом тоже была работой, работой тяжелой и смертельно опасной. Ценой даже одной-единственной ошибки в этой работе могли быть жизни многих и многих людей.

– Каждый день ищите скомканную пачку из-под папирос возле железнодорожного указателя двадцать третьего километра на железной дороге Белосток – Барановичи. В ней и будет нужная вам информация. Если вам понадобится срочно встретиться с нами – пароль тот же в табачном киоске. Там вам назовут место встречи и новый пароль. Сюда можете прийти только в самом крайнем случае. Не забывайте про цвет берета на манекене... А теперь идите – возможно, действовать начнем уже завтра, а вам еще нужно добраться до леса...

Когда капитан ушел, Ковальский еще несколько минут посидел в кресле, а потом по винтовой лестнице, начинавшейся на кухне квартиры, спустился на первый этаж в магазин одежды. Дождавшись, пока девушка-продавщица рассчитает очередного покупателя, он подошел к ней и тихо на ухо прошептал:

– Анна, я уйду на встречу с руководством. Вернусь только завтра. Будь осторожна. При малейшей опасности – закрывай магазин и уходи. Я только что встречался с человеком, за которым могла быть слежка. Ты меня поняла?

Продавщица Анна, являющаяся одним из активных членов подполья, нахмурилась. Она понимала, что для подобных слов у Ежи были свои соображения. Раз он предостерегает ее – значит, опасность действительно существовала.

– Я буду настороже, Ежи...

4

В то самое время, когда Черняк разговаривал с Ковальским, Золенберг проводил совещание со всеми руководителями немецких оккупационных служб в Белостоке. В город он прибыл три дня назад. Самолет, как и обещал ему Геринг, доставил его в Белосток на следующий же день после охоты на его вилле в Восточной Пруссии. Ординарец Геринга капитан Неймар проводил его до самого трапа самолета и только там вручил ему портфель с планом операции. За время полета Золенберг успел просмотреть все находившиеся в портфеле бумаги. Помимо самого плана операции, которая фигурировала в документах под кодовым названием «Тевтонский огонь», в портфеле находились также приказы рейхсмаршала о наделении группенфюрера СС Золенберга широкими полномочиями и подчинением ему всех находившихся в районе проведения операции немецких войск, служб безопасности и лагерей для военнопленных.

Присутствовавшие на совещании начальники всевозможных ведомств с нескрываемым интересом рассматривали доверенное лицо Геринга, прибывшее к ним с особым заданием рейхсмаршала. Кто-то из них, у кого были связи в Берлине, уже знал причину появления здесь Золенберга, кто-то же, у кого такой возможности не было, терялся в догадках насчет того, чем же ничем не примечательное место на Восточном фронте так заинтересовало второе лицо в иерархии Третьего рейха. Гадать им оставалось недолго.

– Господа! – начал Золенберг, когда все расселись за широким дубовым столом. – Я приехал сюда с особым заданием, выполнение которого на меня возложил господин рейхсмаршал. Надеюсь, всем понятно, что я не буду церемониться с теми, кто станет плохо выполнять свою работу. Для этого у меня есть все возможности. Я не пугаю вас, я только предупреждаю. Если кто-то из вас думает, что можно будет относиться к тому, что я вам сейчас скажу, как к второстепенным событиям, – пусть сразу же выйдет в соседнюю комнату и поступит как истинный офицер. Потому что виновные в срыве намеченной операции, несмотря на звания и регалии, будут расстреляны публично!.. Думаю, вы понимаете, что большего позора ваши семьи, находящиеся в Германии, уже не заслужат!..

В комнате воцарилась гнетущая тишина. Все сидели, не смея пошевелиться.

Видя, что его слова достигли своей цели и теперь каждый из присутствующих понял, насколько все серьезно, Золенберг, стараясь четко и твердо произносить слова, продолжил:

– В данном районе нам предстоит провести операцию «Тевтонский огонь». Смысл ее в том, чтобы очистить от населения территорию между Беловежской пущей и Августовскими лесами, а затем соединить эти лесные массивы в единый лес, засадив пустое пространство новыми породами деревьев. На этой территории со временем будет самый большой лес в Европе. Здесь будут превосходные охотничьи места и замечательные дома отдыха для нас, немцев. Господин рейхсмаршал уже дал указание привезти из Швеции и Норвегии саженцы хвойных пород деревьев, а также животных. Операция должна быть проведена в срок максимум два месяца. Я имею в виду очистку территории от местного населения. С этой целью я прошу вас, господа, дать указание своим службам о полной готовности...

Золенберг посмотрел в лежащий перед ним на столе лист бумаги, на котором были записаны фамилии и должности присутствующих на совещании лиц, поправил пенсне, а потом продолжил:

– Полковник Кель, доложите о настроении местного населения в подчиненном вам округе. – Золенберг окинул Келя долгим пронизывающим взглядом. – Оказывается ли сопротивление новым властям?

Себастьян Кель, руководивший службой безопасности округа Белосток, быстро поднялся со своего места и уверенным, четко поставленным голосом заговорил:

– Господин группенфюрер, ситуация в округе достаточно спокойная. Местное население встретило немецкие войска как освободителей. За те два года, что здесь хозяйничали большевики, они умудрились настроить против себя даже тех, кто приветствовал их приход в 1939 году. К тому же здесь никогда не любили русских, господин группенфюрер...

– Это важно, полковник, но меня интересует отношение жителей к нам, немцам. Вы не новичок в нашей работе и прекрасно понимаете, что операция, которую мы будем проводить, – это не пикник на природе. Населенные пункты, находящиеся в зоне, будут уничтожены в любом случае, а их жителей нам придется куда-то деть. Тех, кто станет сопротивляться, мы уничтожим. Молодых женщин и детей отправим на работы в пользу Германии. Со стариками церемониться не будем. Как рабочая сила они бесполезны, а кормить их просто так никто не собирается. Я думаю, все понимают, о чем я говорю?..

Безусловно, все присутствующие в силу своего опыта знали, что имел в виду группенфюрер Золенберг. Сидящие за столом люди не были новичками в своем деле и довольно ясно представляли себе, что им предстоит сделать. То, о чем говорил им Золенберг, на их языке называлось «полной зачисткой территории». На месте проведения операции, после ее окончания, не должно остаться ровным счетом ничего и никого.

– В любом случае, полковник Кель, я жду от вас более полной информации о тех, кто может представлять для нас серьезную опасность при проведении операции, – продолжил Золенберг, расположившись поудобнее в кресле. – Я не думаю, что таких людей не существует, как вы пытаетесь нам представить. Русские здесь тоже два года не бездельничали. У них явно имеется агентура. Мы должны знать своих врагов, господа. А недооценивать русских – значит, обречь себя на потерю инициативы. Это мы должны делать первые шаги, господа, а вовсе не русские. Я хочу, чтобы все присутствующие уяснили это.

Потом настала очередь отвечать на вопросы командиру расквартированной в Белостокском округе сухопутной дивизии полковнику Клозе. Это был старый пруссак, всю жизнь посвятивший армии. В Первую мировую войну Клозе воевал на Восточном фронте против русских, а потому из всех присутствующих на совещании лиц только он мог представить себе, с чем им придется столкнуться. Но, как типичный военный, Клозе был слишком прямолинеен, и это было его ошибкой, в конечном итоге решившей его дальнейшую судьбу.

– Господин группенфюрер!.. – начал он, резко вставая со стула. Недовольный тон голоса Клозе сразу же насторожил Золенберга. Ему изначально не понравился этот полковник, едва он окинул взглядом всех прибывших на совещание. Во всем внешнем облике этого человека чувствовалось какое-то пренебрежение ко всему происходившему. Видимо, опьяненный стремительными победами вермахта на фронте, Клозе представлял себе сотрудников всех остальных немецких служб как уже ненужных и лишних. – Я готов выполнять ваши приказы, но только в том случае, если я получу соответствующее подтверждение от командующего армией, в которую входит моя дивизия. К тому же я полагаю, что намеченная операция настроит против нас все население округа. В то время, когда наша армия громит русских уже далеко на востоке, появление в ее глубоком тылу восставших сил не придаст ей уверенности. К тому же придется отвлекать силы с фронта и...

Но группенфюрер не дал Клозе договорить.

– Хватит, полковник! – неожиданно крикнул Золенберг, вскакивая с кресла. – Я не потерплю рядом с собой людей, сомневающих в целесообразности операции!.. Вы ничего не поняли, Клозе!.. Операция «Тевтонский огонь» одобрена самим фюрером, а это есть прямое указание нам выполнить все быстро и неукоснительно!.. Ваши попытки прозондировать мои возможности есть не что иное, как саботаж с вашей стороны приказов высшего руководства рейха!.. – Золенберг ударил кулаком по столу. – Властью, данной мне, вы отстраняетесь от командования дивизией, Клозе!.. Более того, вы будете доставлены в Берлин и преданы суду!..

Полковник, все еще не веря в только что услышанные им слова и не понимая, что его участь уже решена, продолжал по инерции топтаться на месте. Все смотрели на него с сожалением, как на человека, явно не заслужившего подобное обращение с собой.

Когда формальности с полковником Клозе были окончены и его увели вызванные специально для этого сотрудники гестапо, поочередно выступили начальник абвера, начальник лагеря для военнопленных, а закончилось совещание докладом шефа интендантской службы о материальных возможностях, которыми располагало немецкое командование в зоне проведения операции.

То, что услышал от этих людей группенфюрер Золенберг, заставляло его надеяться на благополучный исход операции. Абвер не располагал сведениями о том, что в зоне проведения операции есть какие-то крупные войсковые соединения русских, способные вести боевые действия. Золенберг с интересом выслушал сведения о том, что остатки десятой русской армии, располагавшейся вокруг Белостока, практически все уничтожены. Правда, некоторым частям удалось уйти на восток, к Минску, но теперь их полное уничтожение оставалось лишь вопросом времени. Так что зона операции, с учетом того, что партизан в районе замечено не было, представляла собой спокойное тыловое место.

По сообщению начальника интендантской службы, имеющаяся в наличии материальная часть полностью соответствовала масштабам предстоящих действий войск по зачистке территории. Продовольствие, техника, оружие – всего было достаточно. Кроме того, как сообщил интендант, на его складах скопилось огромное количество советских трофеев, которых хватит не то что на одну, а на несколько подобных операций.

Комендант лагеря для военнопленных заверил Золенберга, что у него достаточно рабочих рук для того, чтобы засадить деревьями уже очищенную территорию. К тому же в лагерь с каждым днем прибывает все больше и больше русских солдат, которых уже некуда размещать. Приходится часть из них держать в открытом поле, огороженном лишь одним-единственным рядом колючей проволоки. Золенберг не преминул заметить, что в случае необходимости военнопленных в самое кратчайшее время можно будет перебросить и из других лагерей.

– Итак, господа, – подводя итоги, сказал Золенберг тоном человека, привыкшего к тому, что ему подчиняются, – прошу вас немедленно отбыть в распоряжение своих служб и ждать от меня дальнейших указаний. Прошу еще раз уяснить, что без моего ведома никто из вас с нынешнего момента не сделает и шагу. В противном случае вас ждет участь полковника Клозе!..

Участники совещания встали со своих мест и медленно потянулись к выходу из кабинета. У всех был понурый вид. Пример Клозе показал всем, что их задачей с сегодняшнего момента будет являться только слепое и неукоснительное соблюдение приказов, исходящих от группенфюрера Золенберга.

5

Вечером того же дня по улицам Белостока спешила молодая девушка. Это была Алинка Зимич – одна из трех машинисток, работающих в машбюро белостокского гестапо. Подполью города стоило огромных усилий внедрить ее в стан врага, для чего была проведена хитроумная операция, имевшая своей целью показать немцам лояльность Зимич новому порядку, пришедшему в город.

Только днем гитлеровские войска вошли в Белосток, а уже вечером того же дня Зимич появилась в здании местного гестапо с сообщением о том, что ей известны два человека, сочувствующие советской власти и, возможно, оставленные в городе для сопротивления немцам. Гитлеровцы схватили этих людей, нашли в их домах оружие и гранаты, а потом, спустя двое суток, толком не добившись от них каких-либо признаний, расстреляли. На самом деле немцы не догадывались, что эти люди были членами польской националистической группы, боровшейся с советской властью после того, как в 1939 году Белосток вошел в зону влияния Советского Союза. К июню 1941 года чекисты установили лишь двух человек из этой группы, установлению остальных помешала начавшаяся война. Вот их-то и было решено «сдать» немцам. Члены подполья еще до прихода фашистов подбросили в дома этих людей гранаты и винтовки, после чего оставалось только ждать реакции новых властей на сообщение Зимич. И та не подвела, справилась со своей ролью блестяще.

Выяснив, что Алинка Зимич является дочерью погибшего в советско-польскую войну 1920 года Христо Зимича, известного в Белостоке торговца, да к тому же довольно сносно знающая немецкий язык, начальник местного гестапо Берг предложил ей в своей службе должность секретаря-машинистки. Недолго думая, Зимич согласилась. При этом Берг не догадывался, что именно на такой поворот событий и надеялись местные подпольщики, когда затевали свою операцию.

С того времени прошел ровно один месяц. За это время Алинка освоилась со своей ролью, присмотрелась к работающим вместе с ней сотрудникам гестапо, составила и передала подпольщикам списки тех из них, кого она знала. Некоторых из них удалось ликвидировать, с помощью других, захваченных врасплох и выбравших вместо смерти жизнь, подпольщики выяснили фамилии агентов, работающих в городе.

Сейчас Зимич спешила не зря. Информация была сверхважной, и ее нужно было как можно скорее передать.

Сегодня днем, после того как Берг вернулся с совещания, которое, как шептались, проводил какой-то важный чин из Берлина, в здание гестапо прибыл посыльный с запечатанным конвертом, который он вручил лично Бергу. После этого начальника гестапо, до того момента выглядевшего бодро и все время шутившего, словно подменили. Он стал каким-то раздражительным, орал на своих сотрудников по всяким пустякам, а одного даже ударил по щеке. Алинка долго не находила объяснения изменению поведения шефа, догадывалась только, что это было как-то связано с тем конвертом, который вручил Бергу посыльный. И только после того как она напечатала на машинке переведенный к тому времени на русский и польский языки полученный начальником гестапо приказ, ей все стало ясно. В приказе, адресованном лично Бергу, предписывалось обеспечить встречу группенфюрера СС Золенберга, который, как было сказано, завтра днем проведет ознакомительную поездку в село Сивичи, расположенное в двадцати километрах к западу от Белостока. Кроме того, приказ предписывал обязательный перевод на русский и польский языки, однако в нем не было сказано ни слова о том, зачем это было нужно.

Алинка не знала, что Берг лично связался по телефону с начальником сивичского отделения гестапо Хемпелем и приказал тому к завтрашнему дню очистить село от всяких

подозрительных элементов. «Очистить» в этом случае означало расстрелять. Боясь утечки информации, Берг не сообщил Хемпелю о приезде Золенберга, лишь обмолвился о том, чтобы завтра тот ждал у себя высоких гостей.

Улицы на глазах пустели. Алинке хотелось идти еще быстрее, но она понимала, что этим только привлечет к себе внимание. На часах было восемь вечера. Комендантский час начинался через три часа, а еще многое предстояло сделать. Алинка редко оглядывалась, стремясь обнаружить опасность, но пока все было спокойно.

Когда она подошла к магазину одежды, расположенному в зеленом доме на Кайзерштрассе, была половина девятого. Бросив взгляд на витрину, Алинка убедилась, что сигнала тревоги не было – на голове манекена был берет коричневого цвета.

Толкнув входную дверь, Алинка вошла внутрь. За прилавком стояла Анна, обслуживающая полную женщину, пытающуюся подобрать на свою фигуру что-либо подходящее.

– Вам что-то предложить? – спросила Анна, когда Зимич подошла к прилавку.

– Я ищу блузку. Желательно с накрахмаленным воротничком.

Это была заранее обусловленная фраза, которая означала, что имеется информация, которую необходимо срочно передать. Анна знала, что если Зимич рискнула зайти в магазин, то случилось что-то действительно важное.

– Подождите минутку, сейчас я обслужу клиента и займусь вами. – Анна стала торопливо объяснять полной женщине, что из тех пяти платьев, что она выбрала, ей больше подходит длинное платье с цветами. Через некоторое время женщина, довольная покупкой, с пакетом в руках покинула магазин, и Анна вернулась к Зимич, которая рассматривала лежащую под стеклом бижутерию.

– Для вас у меня есть несколько блузок. Пожалуйста, пройдемте в примерочную.

Женщины прошли к ширме, расположенной у дальней стены. Анна принесла блузки, подала их Алинке, которая, зайдя в примерочную, чтобы не вызвать подозрения, поскольку в магазине было еще несколько покупателей, действительно стала примерять одежду, тихо говоря при этом через ширму:

– Сегодня днем Берг получил приказ от группенфюрера Золенберга. Это тот, который прибыл в Белосток три дня назад. Так вот. В приказе было указание Бергу обеспечить встречу Золенберга в селе Сивичи. В этом селе Золенберг будет завтра.

– В какое время он выедет из Белостока? – тихо спросила Анна, всем своим видом показывая, что консультирует примеряющую одежду женщину.

– Точно не знаю. В приказе лишь было указано, чтобы Берг обеспечил завтра встречу Золенберга в Сивичах.

– Это все?

– Да, больше ничего. Нужно срочно передать эту информацию Ежи...

– Я сообщу, не волнуйся. Теперь возьми эту красную блузку и подходи к прилавку. Если за тобой следят, то нужно показать им, что сюда ты приходила за покупкой...

Когда Алинка покинула магазин, Анна выждала еще какое-то время, а потом по винтовой лестнице поднялась в квартиру Ежи Ковальского. Тот сидел в кресле, читая утреннюю газету.

– Ежи, только что приходила Алинка...

Ковальской тут же отложил газету в сторону. Он заметил, что Анна была напряжена. Значит, Зимич передала что-то важное.

– Что она сказала?

– Завтра Золенберг будет в селе Сивичи...

– Когда он туда поедет? – спросил Ежи, не зная, что раньше об этом же спрашивала Алинку и Анна.

– Она не знает. В приказе, который она печатала, об этом не было сказано ни слова.

– Это скверно. Золенберг может выехать туда прямо сейчас, а может быть и этой ночью.

– Вряд ли он решится ехать в село ночью. Это риск нарваться на партизанскую засаду.

Ковальский сердито затеребил пальцами по столу. Ситуация говорила, что время теперь играло против них. Нужно было срочно сообщить о поездке Золенберга парню, который приходил к нему в форме немецкого офицера несколько часов назад. Успел ли он добраться до своей базы в лесу или все еще в городе? Ежи знал только, что этот парень русский, но как его в действительности зовут, ему не сообщили. Сказали только, что это человек, известный как Лесовик. Оставался лишь один выход – немедленно сообщить информацию Лукашу. Тот работал в железнодорожном депо машинистом и знал расписание движения всех поездов по ветке Белосток – Барановичи. К тому же Лукаш сумел вовлечь в подполье еще нескольких парней, работающих на железной дороге.

Анна, безусловно, о существовании Лукаша не знала. Она знала только лишь Ковальского и Алинку Зимич...

– Возвращайся обратно за прилавок, – сказал ей Ежи, стремительно поднимаясь с кресла. – Я ненадолго отлучусь.

Примерно час спустя после этого разговора Ковальский стоял неподалеку от дверей железнодорожного депо и разглядывал выходивших оттуда людей. Прислонившись спиной к стволу дерева, Ежи то и дело поглядывал на часы. По времени получалось, что работа Лукаша вот-вот закончится, и он должен пойти домой.

Ковальский помнил, как еще мальчишкой он бегал среди этой аллеи, посаженной возле депо еще в начале века. Теперь, спустя десятилетия, деревья выросли и служили своеобразным местом отдыха для железнодорожников. Везде были расставлены скамейки, а под разросшимся дубом поставили стол, где играли в домино и карты.

Когда из депо появился Лукаш, Ежи вздохнул с облегчением. Лукаш был один. Заговорить с ним было бы труднее, если бы он вышел с другими рабочими.

– Ты с ума сошел!.. – тихо сказал Лукаш, когда он подошел к окликнувшему его Ежи. – Я же просил тебя не появляться здесь!.. Нас могут увидеть!..

– У меня не было другого выхода. Срочное сообщение. Его немедленно нужно сбросить на двадцать третьем километре. Кто-то из твоих парней едет по этой ветке сегодня?..

– Не здесь...

Убедившись, что за ними никто не наблюдает, они отошли от входа в депо подальше и уселись на скамейку, делая вид, что незнакомы друг с другом.

– Мой парень поедет в Барановичи только завтра утром, не раньше. – Лукаш смотрел на дорожку, следя за тем, чтобы их никто не мог подслушать. – Говори, что передать...

Ежи на словах сообщил ту информацию, которую передала ему Анна, а той – Алинка. Железнодорожник слушал спокойно, хотя было件件но, что те сведения, которые он услышал, просто не могли оставить его равнодушным. Полученная информация требовала от него решительных и немедленных действий. Промедление могло привести к срыву полученного из Центра задания.

– Мне все понятно, Ежи, – произнес Лукаш, когда Ковальский окончил говорить. – Я должен вернуться в депо. Мой парень сейчас находится там.

– Но как ты объяснишь свое возвращение? – спросил Ежи с тревогой в голосе. От Лукаша он знал, что на пропускном посту немцы проверяют и записывают всех, кто входит в депо и кто выходит из него. Если они заинтересуются его возвращением, то это может помешать Лукашу своевременно встретиться с нужным парнем, который утром поведет поезд по ветке Белосток – Барановичи.

– Немцы уже привыкли ко мне, не волнуйся. Скажу, что забыл свою кепку. Я ее специально там оставляю – на случай, если придется вернуться. Как вот сейчас... Все – я пошел.

Лукаш медленно поднялся со скамейки и побрел к входу в депо. Только когда он вошел внутрь, Ковальский, выждав еще несколько минут, встал и быстрым шагом двинулся домой. До начала комендантского часа оставалось каких-то сорок минут...

6

Утром следующего дня легкий прозрачный туман окутал лес. В медленно рассеивающемся мраке ночи вокруг проступали коричневые стволы сосен и темно-зеленые ели. По земле ползли черные тени. Лес стоял молчаливый, чужой и опасный.

Стараясь двигаться бесшумно, по лесу шли два человека. Три часа непрерывной ходьбы по лесистым лощинам, покрытым толстым слоем хвои и густым зарослям папоротника, сильно измотали их. Но им нужно было спешить.

Когда они отправились в путь, в лесу уже царила ночь. Тьма, словно покрывало, опустилась на огромный лесной массив, тянувшийся вокруг на многие десятки километров.

Теперь ночь отступала, рождался новый день. Утренний туман принес с собой запах сырости и гнили, поднимающийся от земли.

Человек, шедший первым, внезапно остановился и прислушался.

– Похоже, подходим. По-моему, я слышал гудок паровоза. Правда, далековато...

Второй поправил на плече автомат и сказал:

– Я бывал здесь неоднократно. Железная дорога в километре отсюда, нужно быть осторожнее. Немцы могли оставить засаду.

Это были Колодин и Седаков – бойцы группы Черняка. Тот, вернувшись вечером из города, приказал им немедленно выдвинуться в район столба-указателя двадцать третьего километра железной дороги Белосток – Барановичи, объяснив, что возле него для группы подпольщики оставят сообщение, которое будет находиться в пачке из-под папирос.

Через десять минут бойцы приблизились к «железке» настолько, чтобы просматривать нужный железнодорожный указатель в бинокль. Подходить ближе было опасно – можно было нарваться на немцев.

В том месте лес примыкал к железной дороге почти вплотную, и это, видимо, и предопределило выбор подпольщиков, выбравших этот указатель в качестве места для передачи информации группе капитана Черняка.

Седаков и Колодин залегли под густым кустом орешника, тщательно замаскировавшись, так что если бы кто-то даже прошел вблизи, то не заметил бы их. Колодин, как старший группы, продумывал дальнейшие действия, которые им предстояло предпринять. Для него было понятно, что нужно было обследовать место вокруг столба как можно быстрее, но перед уходом Черняк предостерег его от поспешных действий, объяснив, что слепо доверять подпольщикам не стоит, лучше все тщательно проверить. Опасения капитана основывались на вполне очевидном факте – если кто-то из подполья «провалится» и, не выдержав пыток, назовет это место немцам, то те, естественно, не преминут организовать возле него засаду. Возможно, пачка из-под папирос с информацией уже лежала возле столба, и им оставалось только забрать ее, ну а если нет, то, как решил для себя Колодин, придется ждать поезд, дрезину, а возможно, что и человека, посланного доставить нужные группе сведения. Сколько придется ждать в том случае, если информация еще не доставлена, Колодин не знал. По крайней мере, Черняк об этом ему не говорил, значит, ждать придется до того момента, пока не появится связник.

Колодин удобно расположился под кустом, лежа на животе, раскинув ноги и положив рядом с собой автомат с гранатами. Седаков лежал немного в стороне, посматривая назад, готовый в случае необходимости прикрыть товарища и не дать застать себя врасплох. С собой у него был советский автомат «ППШ», патронов в котором было куда больше, чем в немецком «шмайссере», которым был вооружен Колодин.

Лес вокруг становился прозрачнее, между деревьями стремительно возникали просветы, растворяя рваные лохмотья тумана. Впереди явственно проступала железнодорожная насыпь.

Осмотрев в бинокль территорию вокруг столба-указателя и не найдя ничего подозрительного, Колодин повернулся к Седакову и тихо сказал:

– К указателю пойду я. Если начнется стрельба – уходи. Доложишь обо всем командиру...

Он хотел сказать что-то еще, но не успел – царившую тишину леса разорвал протяжный гудок паровоза. Судя по звуку, поезд двигался со стороны Белостока...

Помощник машиниста Зденек Сикора, высунувшись из окна паровоза, напряженно всматривался в пролетающий мимо утренний лес. В свои двадцать с небольшим лет Зденек был рассудительным парнем, научившимся различать людей. С начала войны он быстро уяснил себе, кто чего стоит и кто на самом деле кем является. Многие из тех, кого он считал надежными волевыми людьми, с приходом немцев на деле оказались обыкновенными трусами, жаждущими только одного – спасти свою жизнь любой ценой. Оттого он стал осторожен и никому не доверял – понимал, как мало стоила сейчас человеческая жизнь, особенно тогда, когда ее можно запросто лишиться за одно неосторожно сказанное слово.

– Что там видно, Зденек? – Машинист Войцех Красовский, старый железнодорожник, смотрел на своего помощника, высунувшегося в окно.

У Красовского было четверо детей, и, в отличие от Зденека, пойти работать машинистом к немцам его заставила нужда. Нужно было как-то содержать свою семью, где самому младшему было пять лет.

– Прошли двадцатый километр, – ответил Зденек, повернувшись к Красовскому. – Скорость набрали, теперь можно и покурить...

Машинист кивнул головой, соглашаясь. Зафиксировав рычаги управления, Красовский взял в руки висевшее на крючке полотенце и вытер им лицо. Поезд шел достаточно быстро, можно было немного и передохнуть.

– Эй, Юзик, бросай лопату, угля в топке хватит на километр. Пойдем перекурим. Зденек угощает...

Кочегар поезда Юзеф Суваль выпрямился и, следуя совету Красовского, отбросил лопату в сторону. Испачканное углем лицо делало его похожим на мулата. Медленной походкой он двинулся к Сикоре.

Зденек достал из внутреннего кармана пиджака пачку, вытащил из нее две папиросы и протянул их кочегару и Красовскому. Те молча закурили и стали смотреть в окно. Мимо проносились стройные ряды вековых деревьев, стоявших стеной практически у самой железнодорожной насыпи.

– А ты сам почему не куришь? – спросил Красовский, видя, что Зденек не притронулся к папиросам.

– Жарко тут, пойду наружу...

Машинист покачал головой, выражая свое неудовольствие.

– Часовой может запретить... Смотри – нарвешься...

– Все же пойду, духота невозможная... Постарался ты, Юзик, на славу!..

Кочегар в ответ только улыбнулся и пожал плечами.

Зденек вышел из кабины паровоза наружу и оперся на металлические прутья, служившие перилами. В лицо сразу же ударил свежий запах утреннего леса. Сикора посмотрел в сторону вагонов – к нему спешил немецкий часовой, о чем и предупреждал его машинист Красовский.

Состав, который они вели сейчас, был с военной техникой. На платформах, прикрытые брезентами, стояли танки и артиллерийские орудия. В наглухо задраенных вагонах находились ящики с боеприпасами. Зденеку сказал об этом Красовский, когда полчаса назад они отправились с вокзала Белостока в сторону Барановичей. Сам машинист, а также кочегар Юзеф Суваль не были членами подполья, а потому Зденек был с ними всегда настороже. Он не исключал и того, что кто-то из них являлся тайным осведомителем гестапо.

Часовой стремительно приближался. Сикора посмотрел вниз – поезд только что прошел мимо указателя двадцать второго километра. Осталось еще немного.

Зденек достал из пачки папиросу, чиркнув спичкой, закурил. Поезд начал набирать обороты – видимо, Юзик подбросил угля.

– Что случилось? – жестко спросил часовой, подходя ближе к Сикоре. – Почему вышел из вагона? – Хотя сказано это было по-немецки, но Зденек за месяц научился понимать эту отрывистую гортанную речь.

– Господин солдат, пожалуйста!.. – Сикора протянул немцу пачку с папиросами, предлагая тому присоединиться к нему. Тот понял, довольно улыбнулся, достал из пачки последнюю папиросу, но курить не стал и затолкал ее в свой карман. После чего, немного смягчившись, сказал:

– Зайди обратно!.. Больше не выходи!..

Зденек услужливо стал кланяться. Впереди замаячил черно-белый столб-указатель.

– Хорошо, хорошо!.. Только докурю!..

Через несколько секунд брошенный Зденеком окурок полетел вниз. Следом за ним вниз полетела и ставшая ненужной пустая пачка из-под папирос. Немецкий часовой ничего не заподозрил – пачка упала неподалеку от указателя двадцать третьего километра...

Вернувшись обратно в кабину паровоза, Зденек как ни в чем не бывало продолжил свою работу – задание, которое дал ему Лукаш, он выполнил...

Состав прогрохотал мимо и вскоре скрылся за темными рядами деревьев, между которыми была зажата железная дорога. Оторвав бинокль от глаз, Колодин, обращаясь к Седакову, сказал:

– Запомни – в составе было десять вагонов и двенадцать платформ. На платформах, судя по очертаниям брезента, семь танков и пять орудий. Черняк должен передать это в Центр...

Сняв с шеи бинокль, он протянул его Седакову.

– Действуй, как договорились. Если что – бегом к командиру. Даже если я нарвусь на засаду...

– Может, немного подождать? – предложил Седаков. – С железной дороги насыпь просматривается очень далеко. Вдруг кто увидит?

– Нет, к указателю нужно идти прямо сейчас. Пришло время проверить – поступила ли для нас информация.

Поднявшись с земли и держа автомат наготове, Колодин, слегка пригнувшись, двинулся к указателю двадцать третьего километра, стоявшему возле железнодорожной насыпи.

Говорить Седакову о том, что он видел в бинокль, как какой-то парень бросил с паровоза смятую бумагу, он не стал. Мало ли что может случиться с ними на обратном пути? Не дай бог в плен попадут – зачем давать немцам шанс установить этого парнишку-железнодорожника, а через него выявить и других подпольщиков? Нет, в себе-то Колодин был уверен, а вот как поведет себя Седаков, попади он к немцам, – одному богу известно. Тогда зачем рисковать?

Непрерывно вертясь по сторонам, опасаясь засады, Колодин быстро добрался до столба-указателя. В метре от него на земле лежала смятая пачка из-под папирос. Колодин

осмотрелся – пока все было тихо. Кругом стояла тишина, нарушаемая лишь пением окончательно проснувшихся пернатых обитателей леса.

Он быстро поднял с земли смятую бумагу, затолкал ее за пазуху, а потом рванул к лесу. У ближайшего куста ольховника остановился, перевел дыхание. Нужно было проверить – есть ли в обнаруженном «почтовом ящике» информация, которую так ждал от подпольщиков Черняк. Хотя вероятность того, что у определенного столба лежала смятая папиросная пачка, которая была выброшена кем-то случайно, была ничтожно мала, Колодин все же привык проверять то, в чем он не был до конца уверен.

Полминуты у него ушло на то, чтобы убедиться в том, что он нашел именно тот предмет, который искал. Внутри папиросной пачки была записка. По-русски в ней было написано следующее: *«В четверг он будет в деревне Сивичи»*.

Колодин про себя выругался – четверг был сегодня.

7

В схроне было темно, и им вдвоем пришлось выбраться наружу. Солнце уже поднялось над деревьями, с листья исчезли последние капли росы.

Подойдя к находящейся неподалеку от входа в схрон поваленной ветром сосне, Черняк достал карту, разостлал ее на стволе дерева, махнул рукой в сторону Седакова, приглашая того подойти ближе.

– Ты знаешь, Иван, здешний лес как свои пять пальцев. Как думаешь, где нам лучше устроить засаду?

Не прошло и получаса, как вернувшиеся с задания разведчики принесли Черняку обнаруженную в папиросной пачке записку. Информация, которая в ней содержалась, не давала шанса на тщательную подготовку операции.

Седаков какое-то время молча всматривался в обозначения карты, затем ответил:

– Шоссе от Белостока до деревни Сивичи идет больше перелесками и только в одном месте, практически возле самого села, примыкает вплотную к пуще. Получается, что только в этом месте можно подстеречь фашистов, командир. Больше нигде... – Помолчав немного, Иван добавил: – Правда, гарнизон села рядом, помощь фашистам может подойти очень быстро.

– Согласен, но такой шанс нам упускать нельзя. Другого такого может больше не представиться. Меня смущает одно – как-то быстро все складывается... Ну да ладно...

Седаков внимательно наблюдал за своим командиром, который задумчиво водил пальцем по карте.

– Будем исходить из того, что фашисты не ждут засады, – продолжил Черняк, убеждая больше самого себя. – Судя по карте, от нашего схрона до деревни около семнадцати километров. Ну что ж, созывай ребят, будем выдвигаться.

Через минуту из подземного бункера выбрались все десять бойцов группы, которой командовал капитан. Одетые в маскхалаты, хорошо вооруженные, они представляли собой грозную силу. Все кадровые военные, прошедшие специальную подготовку, бойцы были заброшены в тыл противника для диверсий и лесной войны.

Построенные в ряд, они внимательно слушали своего командира, который ставил перед ними боевую задачу:

– Сегодня нам предстоит устроить засаду на немецкий кортеж. Наша задача – уничтожить в нем всех фашистов, вне зависимости от чинов. Все документы, что будут обнаружены, забрать с собой, ничего не оставляя. До точки – семнадцать километров. Выдвигаемся немедленно...

К деревне Сивичи они подошли через полтора часа. Действительно, как и говорил Седаков, подлесок сменялся густым лесом практически возле самого села, так что выбор места засады был невелик. Тем не менее, оценив обстановку, капитан определил своих бойцов по конкретным точкам, разделив группу на две части. Одна скрылась на границе леса и подлеска, а основная часть бойцов сосредоточилась на обочине шоссе возле самой деревни. Расчет капитана здесь был прост: первая группа, затаившаяся в ста метрах от второй, пропускает кортеж, и в том случае, если немцы, нарвавшись на огонь, попытаются повернуть обратно, они перекроют им дорогу назад, не дав вырваться. К тому же было неизвестно – откуда поедет Золенберг? А если он уже находился в Сивичах? Тогда его кортеж пропустит основная группа, а первыми огонь откроют те бойцы, что затаились в подлеске. Их было шесть человек – вполне достаточно, чтобы в течение минуты удерживать под огнем кортеж,

пока остальные бойцы из основной группы не подойдут к ним на помощь, одновременно перекрывая немцам дорогу обратно в Сивичи.

Старшина Журбин, посланный в деревню разведать обстановку, вернулся довольно быстро.

– Докладываю ситуацию, командир. В селе только маленький гарнизон, состоящий из нескольких полицаев, да еще два человека из службы безопасности.

– Как определил? – спросил Черняк, расположившийся под толстой сосной.

– По черным мундирам... Гестаповцы... Видно, что суетятся. Двор перед сельской комендатурой подметают. Значит, не приехал еще группенфюрер.

– Тебе не кажется, что для встречи такого чина, как Золенберг, двух сотрудников службы безопасности маловато?

– Креститься не буду, но – кажется. – Журбин присел возле дерева, поправил заткнутые за пояс гранаты. – Может, «языка» из деревни взять? Вмиг расколем...

– Не пори горячки, старшина. Вряд ли эти местные вояки что-то знают. Думаю, никто их в планы не посвящал... слишком мелкие сошки. Да к тому же, захватив «языка», мы спугнем немцев... У них есть связь с Белостоком – сообщат о пропаже, и что тогда – поминай как звали этого Золенберга!.. Где его потом искать?.. Нет, будем действовать по ситуации. Будь что будет – а выводы потом делать станем.

Старшина промолчал, зная, что решение капитаном уже принято и предлагать что-то иное уже бессмысленно.

– Давай, – продолжил Черняк, – бери пятерых бойцов и двигай на ту сторону шоссе – будешь напротив меня. Одного человека отправь присматривать за деревней. Его задача проста: если полицаи попытаются прийти на помощь – сдержать их до того момента, пока мы до конца не разделаемся с кортежем... Колодина я отправил командовать группой, что затаилась в перелеске. Как только я брошу гранату под переднюю машину – это сигнал для всех открыть огонь. Ни одна гадина не должна уйти, старшина, ни одна!..

– Сделаем, командир!.. – улыбнулся Журбин. – Не впервой...

Пригнувшись, старшина с пятью бойцами быстро перебежали дорогу и затаились в кустах на обочине – прямо напротив группы, которой остался командовать Черняк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.